

О детском страхе*

* Подбор и систематизация архивных материалов осуществлены академиком РАО В.С. Мухиной
Петр Фёдорович КАПТЕРЕВ

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ:

зрительные и слуховые впечатления — источники детского страха;
переживание страданий и неприятностей;
страх в результате воображения;
внешние признаки переживания ребёнком страха;
биологические предпосылки страха;
социальные причины страха;
заразительность страха;
преодоление страха.

Предметы детского страха

Известно, что дети очень боязливы. Самые разнообразные предметы, и притом самые безобидные, возбуждают в них чувство страха. Стараясь окинуть одним взглядом весь круг предметов, возбуждающих в детях страх, и привести эти предметы в какой-либо порядок, мы можем представить такую классификацию их.

Предметы детского страха распадаются на две большие группы: действующие преимущественно на органы внешних чувств дитяти, и преимущественно на детское воображение и рассудок. Первая группа предметов очень обширна и разнообразна; она же является и первоначальной. Первые детские страхи непосредственно связаны с различными впечатлениями на органы внешних чувств. Воображение и рассудок могут быть причинами детского страха не с самого начала жизни дитяти, так как на первых порах у детей не бывает ни воображения, ни рассудка — это позднейшие душевные образования, предполагающие уже некоторый опыт; а между тем дети испытывают с первого дня жизни различные впечатления на органы внешних чувств.

Зрительные впечатления служат одним из наиболее богатых источников страха для детей. Трудно указать такой предмет, которого бы не боялись маленькие дети: мухи, комары, ласкающиеся комнатные собаки и кошки, волны на реке, световые лучи в полутёмной комнате, маски, высокие шляпы на голове, странные движения и сотни других видимых предметов, форм, движений вызывают во многих детях неудержимый страх. Одна девочка начала кричать от страха, увидав в первый раз гнездо с птенчиками; другая боялась приближения другой девочки, несколько побольше. Из этой обширной области пугающих детей видимых предметов нужно особо отметить две группы: предметы, возбуждающие вместе со страхом отвращение, и тёмные пространства.

Мыши, крысы, лягушки, пауки, улитки, черви, змеи, трупы, пролитая кровь часто вызывают в детях смешанное чувство странного отвращения и сильного страха. Дети трепещут при их виде. Одна девочка (около 9 лет) кричала от ужаса и трепетала всем телом, когда видела мышь. Нарисованная мышь производила на девочку почти то же самое действие, как и живая. Другая девочка обнаруживала такой же ужас при виде улитки. Даже пустая раковина и вообще всякий моллюск так потрясали девочку, что родители должны были принимать меры предосторожности для предупреждения нервного кризиса, который мог окончиться конвульсиями. Девочка росла, а страх её не уменьшался. Призыв к её разуму, убеждения, что в улитке нет ничего страшного, не имели никакого действия: девочка не могла справиться со своим чувством. Она отказывалась перелистывать книги с гравюрами, в которых она опасалась натолкнуться на рисунки улиток. Достигнув 17 лет, она настолько воспитала себя в этом отношении, что могла, сделав усилие, посмотреть на

улитку или на её изображение, но не была в состоянии дотронуться до животного.

В случаях страха, соединённого с отвращением, весьма трудно разобрать, чего здесь больше: страха или отвращения. Одно несомненно, что оба налицо в душевном состоянии дитяти.

Не менее распространена между детьми боязнь темноты. Они часто боятся ходить в пустую тёмную комнату и взять там какую-либо вещь; боятся выходить из дома на улицу или в поле, когда уже наступила ночь; боятся спускаться в тёмные погреба; боятся спать без огня или одни. Темнота, скрывающая от взора обычные предметы, производит сильное устрашающее впечатление на детей, вызывает в них даже какой-то мистический ужас. Немногие дети оберегаются от этого специального страха; напротив, очень многие дети не поддаются никаким разумным убеждениям относительно безвредности темноты в данном частном случае и с наступлением каждой ночи делаются необыкновенно боязливыми.

Другим источником детского страха служат слуховые впечатления и, прежде всего, сильные шумы, вроде раската грома, выстрелов из пушки и ружья, разного рода взрывов, звона в большой колокол, падения тяжёлых вещей и т.п. Но и звуки менее сильные легко возбуждают страх детей: например, если начать говорить дитяте что-либо очень низким голосом, если послышится писк, шипение, урчание собаки, если даже неожиданно раздастся бой часов. Трудно даже решить, что служит первоначальным возбудителем страха — зрительные или слуховые впечатления, потому что наблюдали таких детей, которые спокойно любовались картиной пламени и дыма при пожаре, беготнёй людей и вообще всей суматохой, обыкновенно бывающей при пожаре, но которых раздавшийся рожок пожарных и грохот их экипажей приводил в трепет.

Что касается впечатлений на прочие органы внешних чувств, то они сравнительно редко возбуждают страх и притом, главным образом, на основании опыта. Зрительные и слуховые впечатления часто возбуждают страх, не причиняя в то же время никакого вреда дитяте, так что очень трудно отдать себе отчёт, почему же дитя боится данного предмета. В области впечатлений на другие органы дело изменяется: известные впечатления возбуждают страх потому, что они несут с собою бо́льшую или меньшую неприятность, как узнало дитя из опыта. Обжёгшись о самовар или воду, уколотившись о вилку, обрезавшись ножом, попробовав очень горького лекарства, понюхав весьма неприятную жидкость, дитя боится дотрагиваться до перечисленных предметов, отказывается нюхать жидкости и принимать всё так или иначе напоминающие лекарства. Маленькую девочку, игравшую с кошкой, эта последняя больно оцарапала. С тех пор никакие уговоры не могли убедить девочку дотронуться до какого-либо меха, на шубе матери, отца, на шапке, — девочка страшно боялась всякого меха.

Таким образом, можно сказать, что самые распространённые предметы детского страха те, которые воспринимаются зрением: разнообразные формы и движения; затем следуют различные слуховые впечатления, далее осязательные, обонятельные и вкусовые. Последние три группы устрашающих детей предметов — преимущественно опытного происхождения, тогда как первые две часто предшествуют всякому опыту.

Обратимся теперь к рассмотрению второй большой группы страшных для детей предметов, действующих преимущественно на рассудок и воображение детей.

По мере опыта дитяти, в его сознании отлагаются пережитые страдания и неприятности, а потому дитя начинает бояться повторения подобных состояний. Лишь только дитя замечает что-либо похожее на предметы, причинившие ему страдания, как оно решительно отказывается приблизиться к таким предметам и дотронуться до них. Вышеуказанные случаи ожога, укола, пореза и пр. суть примеры страха рассматриваемой категории. Во всех подобных случаях дети чрезвычайно увлекаются аналогией, из отдельных частных факторов выводят весьма обширные и общие заключения. Дитя, подвергшееся на улице нападению какой-либо собаки или пьяного, задетое при переходе площади экипажем, упавшее нечаянно в воду, из этих случайных происшествий выводит руководящие правила: все собаки, пьяные и экипажи страшны, по берегу реки ходить нельзя — можно уто-

нуть и т.п.

Конечно, не всегда вывод бывает так широк, несоответственен заключению; вырастая, увеличивая свои наблюдения, проверяя прежние выводы новыми фактами, дитя приучается к большой осторожности в заключениях, ограничивает свои прежние широкие обобщения, а новые делает более применимыми к действительности. Потерпев несколько раз определённые взыскания за известные действия, дитя начинает побаиваться совершать их вновь. Его страх в подобных случаях бывает ограниченным, определённым, вывод по своей широте отвечает фактам. Вообще о предметах, страшных дитяте по рассудочным соображениям и выводам, нужно заметить, что их число и сила впечатления на дитя изменяются с развитием умственных деятельностей. Число страшных предметов, с одной стороны, сокращается, с другой — увеличивается. Опыт ежедневного обращения с различными предметами мало-помалу неизбежно приводит дитя к убеждению, что многое, казавшееся ему страшным на первых порах, на самом деле не страшно: не страшны, при известных условиях, собаки, самовар, кипящая вода, ножик, вилка, экипаж и пр., что прежде так пугало; с другой стороны, те предметы и явления, к которым дитя, по неведению, относилось прежде спокойно, с одним любопытством, начинают внушать страх, какковы разные яды, ядовитые растения, опасные животные, с виду не страшные, некоторые инструменты, многие положения в обыденной жизни.

Как же думать: с развитием дитяти увеличивается или уменьшается число страшных предметов? Несомненно, уменьшается. Дитя в первые годы жизни чрезвычайно робкое, чрезвычайно боязливое существо — любая муха может привести его в трепет. Сидя на руках или бродя по комнатам, оно часто ищет защиты у матери, у няни, у всех взрослых от своих детских страхов, печалей и огорчений. А между тем, такое дитя, выросши, становится мужественным человеком. Дело в том, что с возрастом многочисленные первоначальные, мнимые страхи, коренившиеся в простых зрительных, слуховых и иных впечатлениях на органы внешних чувств, рассеиваются, а число новых действительных бывает не так велико, как прежних мнимых.

Притом новые страшные предметы не постоянно угрожают: ядовитые растения, страшные животные, разные опасности в людской жизни встречаются не на каждом шагу. Страшные животные далеко, несчастья редки, яды прячут от детей. Таким образом, с возрастом число страшных предметов сокращается, а не увеличивается. Старик, много видавший и много испытавший, ничего не боится, кроме смерти, а иногда не боится и смерти.

Что касается силы впечатления, производимого страшными предметами, то она с возрастом детей также уменьшается. Взрослый человек далеко не так сильно пугается, как дитя. Большое действие страшных предметов на дитя обуславливается двумя главными причинами: неизвестностью размера опасности и слабостью детских сил.

<...> Взрослый находится совсем в другом положении: он понимает размер угрожающего несчастья и часто признаёт его ничтожным, не особенно страшным. Далее, он создаёт в себе запас сил, которые может противопоставить надвигающейся грозе; у него выработана на эти случаи даже особая техника, так что грозящий удар, если и не будет совсем отведён, будет значительно ослаблен. Таким образом, одни и те же устрашающие предметы никогда не произведут одинакового действия на дитя и взрослого: для первого и страшных предметов больше, и сила впечатления их значительнее, чем для второго.

Последний вид страшных предметов для детей — это те, которые действуют преимущественно на детское воображение. Большинство детей запугивается, с одной стороны, действительными предметами, которым придаются фантастические размеры и свойства, с другой стороны — чисто вымышленными существами. Детям говорят про волка, про медведя, что они приходят и едят детей, про трубочиста, что он уносит детей с собой в мешке, про кладбище, что по нему разгуливают мертвецы, про лес — там разбойники и дикие звери. А затем идёт целый ряд фантастических существ: леших, водяных, домовых, масса всякого рода суеверий и предрассудков, относительно колдунов, бабы-яги и т.п.

Перед каждым дитятей раскрывается целый мир, наполненный чудесами и страшилищами, всякими дивами дивными. Там людей, в частности детей, убивают, топят, жарят, едят, “там чудеса, там леший бродит”... Подрощи и выучившись читать, дети начинают наслаждаться чтением всяких страшных историй про разбойников, отважных путешественников, про сражения, таинственные страшные замки и дома и т.п. Воображение всё более и более населяется страшными образами, и детский страх достигает наивысшей своей степени. Число страшных фантастических образов довольно велико, а действие их на чувство детей чрезвычайно сильно. Кто не знает, как дети трепещут, слушая страшные сказки и рассказы, как они не могут заснуть вечером, вспоминая их, как кутаются в одеяла и подушки, желая уйти от страшных картин, возникающих в их сознании? Нет никакого сомнения в том, что страх перед фантастическими существами, и под влиянием вымышленных историй — самый сильный страх у детей; никакой другой не может с ним сравниться, за исключением редких страхов от действительных страшных предметов и происшествий. Поэтому освобождение детей от этого страха нужно признать существенной заботой воспитателя. Уменьшение числа страшных предметов с возрастом и ослабление действия страшных предметов на детей в значительной степени нужно отнести на устранение основания действия предметов страха именно рассматриваемой категории. Число страшных фантастических предметов и сила их действия на детей с возрастом, развитием и опытностью, несомненно, в значительной степени сокращаются. Страх под влиянием фантазии — истинный бич детей, великое зло, великая помеха для правильного их развития во всех отношениях, столько же телесном, сколько и духовном.

Один французский исследователь страха у детей задал в школе классу из 28 учеников письменную работу — описать случай наиболее сильного страха в их жизни. Работы учеников он сгруппировал таким образом: семь учеников рассказали случаи страха под влиянием более или менее действительной опасности, испытанной днём или ночью: преследования быком, нападения собаки, пьяного, падения в воду, сильного кровотечения из носа; тринадцать испытали наиболее сильный страх от предполагаемой опасности: неожиданной встречи, шума ветвей, тени, принятой за злоумышленника, раскатов грома, от пугания в шутку; четверо наиболее испугались фантастических существ; двое — когда сбились с дороги; двое — в ожидании заслуженного наказания.

Возраст учеников, писавших сочинения, настолько значителен, что у них отсутствует страх чисто физический, часто встречаемый у маленьких детей, когда простое зрительное или слуховое впечатление заставляет их беспричинно трепетать. В числе 28 случаев страха мы ни одного такого беспричинного страха уже не встречаем, все они относятся к страхам, связанным преимущественно с рассудочной деятельностью или с воображением, причём страхов рассудочного характера 11 (7 первых случаев и 2+2 последних), а фантастического — 17 (13 и 4 случая). Следовательно, в этом возрасте фантастические предметы страха составляют более половины всех страшных предметов. Между тем, этот класс с дальнейшим возрастом значительно сокращается.

Условия сильного или слабого действия на детей страшных предметов

Из предыдущей главы видно, что нормальное развитие в отношении детей к страшным предметам заключается в следующем: с возрастом число устрашающих предметов и сила их впечатления уменьшаются (примерно, обратно пропорционально возрасту), и страх физический, беспричинный, зависящий непосредственно от самых простых и безвредных зрительных, слуховых и иных впечатлений, исчезает, заменяясь страхом рассудочным и фантастическим, который в начале школьного периода развивается весьма широко, а потом, параллельно с возрастом, развитием, постепенным приобретением знаний и опытностью, также сокращается.

Таков ход нормальных отношений детей к страху. Он более или менее изменяется, в зависимости от личных свойств дитяти и особенностей его положения. Конечно, обозреть

все личные особенности детей невозможно, но желательно и в теоретических, и в практических видах отыскать и определить главнейшие условия, влияющие на отношения детей к устрашающим предметам. Так как о степени пугливости детей можно судить лишь по тем внешним знакам, в которых выражается страх, то мы, прежде всего, коротко остановимся на указании тех внешних черт, которыми проявляется страх у детей.

Самыми характерными внешними знаками страха у детей служат крики, дрожание тела и бледность лица. Они сопровождаются целым рядом других: изменением черт лица, расширением глаз, задержкой дыхания, биением сердца, плачем. <...> Но часто страх лишает дитя способности движений, оно остаётся неподвижным, как будто прикованным к месту. Слушая вечером какую-либо страшную историю, оно боится тронуться со своего стула, пригвождённое к нему. Неожиданное появление какого-либо предмета часто лишает дитя способности движения. Посредине улицы дитя пяти лет было застигнуто вагоном конно-железной дороги. Ни крики пассажиров, ни крики кучера не могли побудить дитя сдвинуться с места; оно оставалось неподвижным до тех пор, пока один прохожий не оттащил его в сторону. Под влиянием страха дети немеют, не произносят ни слова, память у них мгновенно теряется, и полная смута наступает в их идеях. Более боязливые дети теряют способность речи во время экзамена, а некоторые из страха перед операцией, например, привитием оспы, падают в обморок.

Вот любопытный случай детской немоты. Дитя 12 лет ходит в школу в продолжение года, сопровождаемое своим маленьким братом, болтает с ним в пути, но лишь только приближается к школе, как становится совершенно немым. Оно отказывается в школе от всякой работы и остаётся целыми днями на своём месте со скрещёнными руками. Ему нравится лишь одна гимнастика. В рекреации дитя не играет и не говорит, но лишь только пробьёт звонок, возвещающий окончание школьных занятий, как оно постепенно схватывает свои пожитки и уходит.

Разные припадки и болезни могут быть у детей следствием страха. Один ребёнок узнав, что в лесу возле деревни кто-то повесился, захотел посмотреть. Он очень напугался и вернулся в школу, весь дрожа. Остальной день мальчик находился под влиянием пережитого страха и не мог сосредоточиться на своей работе. На следующий день он успокоился и ничем не обнаруживал своего волнения. Однако, спустя короткое время, он вдруг упал в классе в конвульсиях и крича. Через несколько минут он пришёл в себя, но так дрожал, что не мог держаться на ногах. На другой день, он неожиданно стал жаловаться на боль в большом пальце и в руке, потом опустился и несколько минут, как и в первый раз кричал и катался по полу. Страх окончился нервным припадком. До этого случая с ним ничего подобного не было. По излечении припадков с ним более не повторялось и он пользовался превосходным здоровьем.

Обратимся теперь к определению условий, благоприятствующих развитию страха или задерживающих его. Одно из существенных условий для такого или иного действия страха есть состояние здоровья. В страхе всегда выражается бессилие или слабосилие. Существа очень сильные не боятся, им некого бояться, им никто не осмелится причинять зло, а всякую известную беду они отстраняют от себя, пользуясь своими большими силами. Поэтому слабосилие физическое — удобная почва для развития страха. Наблюдения, произведённые в школах и в семьях над боязливыми детьми, свидетельствуют, что состояние физических сил у боязливых, в частности — мускульная сила, ниже среднего уровня. Таких боязливых детей обыкновенно описывают, как хрупких, деликатного, нежного сложения, нервных, впечатлительных, не охотников до гимнастики и мало в ней успевающих, а иногда прямо отмечают их анемию и болезненность. Особенно часто в характеристике физического состояния боязливых детей встречается выражение “нервный”, в смысле обозначения дитяти с подвижной физиономией, быстро утомляющегося и легко возбуждающегося, скоро переходящего от одного настроения к другому и неспособного к продолжительному и ровному напряжению сил.

<...>

Что касается умственных и нравственных свойств детей, то на основании имеющихся наблюдений, очень трудно решить, какие свойства благоприятствуют развитию пугливости и какие препятствуют. Относительно собственно умственных свойств наблюдения показывают независимость развития страха и умственных процессов. Вообще нужно сказать, что наблюдения об их соотносительном развитии очень недостаточны; мы же, со своей стороны, полагаем, что умственное развитие в значительной степени ослабляет боязливость. Дети боятся очень многого по незнакомству с пугающими их предметами, в которых при ближайшем исследовании не оказывается ничего страшного. Этот страх, как мы указывали в первой главе, с возрастом и опытом постепенно сокращается и исчезает. Если мы возьмём для сравнения по отношению к страху дикаря и образованного и спросим себя, кто боится чаще и сильнее, то мы должны будем признать, что на дикаря страх нападает гораздо чаще и страх дикаря гораздо сильнее страха образованного. <...> Знания, умственный свет так же точно прогоняют многие мнимые людские страхи, как дневной свет прогоняет призраки и страшилища ночи. Невежество, необразование, умственная неразвитость предрасполагают к страху.

Из других умственных свойств к страху может располагать живое воображение. Если дитя живо воспроизводит разные предметы, лица и происшествия, если оно может даже сочетать их на новые лады, то при самом сильном действии страшных предметов они будут долгое время чрезвычайно отчётливо рисоваться в сознании дитяти и производить своё подавляющее действие. Прослушав страшную историю, дитя долгое время остаётся под её впечатлением, а вечером в тот же день, ночью и спустя несколько дней оно может вдруг испугаться, закричать благим матом, вскочить и бежать, ища защиты у взрослых. Что случилось? Страшная история в ярких красках и мельчайших подробностях, подчас преувеличенная вдруг возникла в детском уме и произвела своё действие. <...>

Конечно, живое воображение может быть направлено на различные предметы и в разные стороны. Творчество воображения может быть реального характера, может направляться на весьма жизненные вопросы, задаваться даже задачами, соприкасающимися с наукой, а то оно может быть довольно беспорядочным, фантастичным, с удовольствием преимущественно останавливающимся на построениях, волнующих чувство, возбуждающих радость, печаль, страх. Вот это-то последнее направление в деятельности воображения и послужит благоприятным условием для развития у детей страха. Таким образом не вообще живое воображение, а живое воображение известного направления. <...> Этим объясняется, что одни дети с живым воображением пугливы, а другие — нет.

Из нравственно-волевых свойств ближайшее отношение к развитию в детях боязливости имеют слабовольность, неспособность сдерживать себя, управлять собою, сосредотачиваться, мягкость, впечатлительность. Чем меньше устойчивости и силы внутреннего противодействия в самой личности, чем она слабее, мягче, доступнее всяким сторонним видениям, тем она будет боязливее. Страх приходит со стороны и, если ему не даётся никакого отпора, захватывает всего человека; предметов, могущих напугать дитя, очень много. Дети с задатками сильной воли и характера, властолюбивые, стремящиеся играть везде первые роли, не легко поддаются страху, вступают с ним в борьбу, стараются овладеть собою, а слабовольные охватываются им, сейчас же уступают устрашающему впечатлению. Особенно легко дитя становится добычей страха, если при мягкости своей натуры и слабовольности, оно ведётся строго, сурово, подвергается взысканиям и таким отношением к нему взрослых предрасположено к боязливости, или если оно пережило какой-либо особенный случай сильного страха, который оставил в памяти дитяти глубокое впечатление.

<...>

Кантерев П.Ф. О детском страхе // Воспитание и обучение. 1901. №2. С. 65–84.

Причины детского страха

Детский страх имеет не одну, а несколько причин. Самая главная и первоначальная между ними — наследственное, врождённое предрасположение детей к пугливости.

Время появления детского страха различными наблюдателями указывается различное: семь-восемь месяцев, три месяца и даже вторая неделя жизни. <...> Бине утверждает, что дети недоступны страху ранее двух лет, а некоторые наблюдательницы сообщали ему, что это чувство может развиваться только к трём годам; между тем, несомненно, что оно совершенно явственно и определённо появляется в первый год жизни, в первую его половину и даже около трёх месяцев. Страх — одно из ранних чувствований дитяти и предшествует его знакомству с предметами, их вредными и опасными свойствами.

А так как дети боятся многих совершенно безвредных и безобидных предметов, которые они видят в первый раз, то, понятно, никакого опытного основания бояться этих предметов у детей нет и быть не может. Следовательно, детский страх имеет своё начало не в опыте, в детях есть врождённое предрасположение к страху, предшествующее опыту и обуславливающее его появление. Как понимать врождённое предрасположение детей к страху? Что оно собою представляет?

Некоторые исследователи утверждают, что чувство страха прирождено всем вообще детям, в виде готового сформированного душевного движения; в таком же виде унаследованного готового движения оно свойственно и животным; например, у птиц существует с момента появления на свет. В таком виде врождённого чувства страха нет. Для того, чтобы испытать какое-либо определённое чувство, нужно иметь: 1) нервную систему известного строения и 2) внешнее раздражение. Орган всей душевной жизни есть нервная система, всякие недочёты в её строении сказываются недочётами в душевной деятельности. Так как у новорождённого ребёнка нервная система ещё далека от законченности и полной сформированности, то уже здесь, в этом первом условии, мы встречаем препятствия к тому, чтобы допускать врождённость каких бы то ни было определённых душевных состояний, в том числе и страха.

Затем, для появления чувства страха необходимо внешнее впечатление, т.е. действие какого-либо устрашающего предмета. Если такого предмета нет, то и чувство не возникнет, так как налицо будет одна только возможность возникновения страха в виде нервной системы известного склада. При отсутствии соответствующих внешних возбуждений эта возможность так и останется одною возможностью. А где же внешние возбуждения до рождения? Их, очевидно, нет — следовательно, нет и страха как готового, сформированного чувства. Таким образом, под врождённостью страха следует понимать нервную систему, предрасположенную к страху, т.е. готовую самые разнообразные внешние впечатления воспринимать как страшные. Всё новое, неизвестное, производящее более или менее сильное впечатление нервная система современного склада чувствует как страшное, грозное, опасное, злое. Откуда взялась такая склонность, как она сложилась в нашей нервной системе?

Чувство страха всегда было самым обыденным в сознании человека, таким же остаётся оно ещё теперь, и в будущем мы, вероятно, долго будем жить под страхом. Животные подчинены тому же самому чувству; закон борьбы за существование царит в их жизни, а этот закон есть закон страха и трепета. <...> Весь органический мир находится в вечной, непрерывной и ожесточённой борьбе и вместе подлжит давлению неизбежного спутника борьбы — страха. Человек не избежал этого рокового гнёта, тяготеющего над животными, он родился в страхе, повит боязнью, вырос в трепете.

Первобытный человек почти всего боится: боится диких зверей, которые гораздо сильнее его, боится грозных явлений природы, боится соседнего племени, враждебного его родному, боится сильных и властных людей в своём племени, боится богов и разных духов, которые могучи, требовательны, мстительны и злы. Страх преследовал человека на каждом шагу. Конечно, были счастливые племена, у которых страха было не особенно много, жизнь которых была наполнена весельем, была счастлива; но таких было мало,

больше было боящихся.

С развитием культуры, страх уменьшился, отлился в другие формы, но далёк ещё от исчезновения; его слишком ещё много, так что было бы не худо, если бы его было поменьше. Например, с появлением законов явился страх наказания по закону, который разветвился широко и принял самые разнообразные формы: страх наказаний в семье, в школе, лишения разных выгод и преимуществ в жизни, уголовного наказания, церковного, осуждения общественного мнения и т.д. Словом, жизнь образованного человека, с колыбели до могилы, ещё в значительной мере проникнута страхом, составляющим видный элемент среди его сердечных волнений; из поколения в поколение, в длинный ряд веков, и люди, и животные подгонялись в своей жизни страхом.

Поэтому человек сделался наконец органически предрасположенным к страху, у него явилось неодолимое стремление всякие новые впечатления понимать как страшные. Современный человек есть существо боязливое по своей природе, что доказывается состоянием испуга. Что такое испуг, каждый знает, — это есть неожиданный страх. Вдруг среди тишины раздался звук, среди темноты блеснул свет, ночью какой-то твёрдый или мягкий предмет коснулся нас, — мы пугаемся. <...> Взрослые будут испытывать испуг, а дети страх при встрече с новыми, в данный момент им не известными предметами и явлениями, потому что такова их нервная система. Переделайте нервную систему, тогда пропадут испуг и страх.

Нужно заметить, что нервная система животных так же склонна к страху, как и нервная система людей. Новые безвредные впечатления, особенно неожиданные, кажутся животным страшными. Если наблюдать воробьёв, голубей, кошек, собак, лошадей, коров и других наших, живущих в доме или около него животных, то можно легко заметить, что новое впечатление возбуждает часто непреодолимый страх: например, паровая машина у лошади, пронзительный паровой или фабричный свисток у собаки и т.п. <...>

Другая причина детского страха — опытность в страдании. Каждому приходится испытывать неприятные ощущения, каждому приходится страдать; есть неизбежные, более или менее сильные неприятности для каждого дитяти: утомление от обычной деятельности, слишком сильные или слишком слабые впечатления зрительные, слуховые, обонятельные, вкусовые, осязательные, страдания от голода, жажды, сырости, холода, жары, страдания от различных заболеваний, сопровождающиеся множеством всякого рода неудобств и лишений. К этим естественным страданиям прибавляется ещё множество чисто искусственных, зависящих от отношений взрослых к детям. Громадное большинство детей и до сих пор воспитывается по системе более или менее суровых наказаний, причиняющих детям множество огорчений и страданий. А наказания могут быть не только телесные, но и нравственные, вызывающие не менее действительные страдания, чем телесные. Ввиду такого множества и разнообразия детских неприятностей, огорчений и страданий некоторые исследователи детства задавались серьёзно вопросом: чего в детской жизни больше — удовольствий или неудовольствий?

Как бы поставленный вопрос ни разрешали, одно несомненно, что детских страданий очень много. А детские страдания находятся в прямой связи с детским страхом. Страх есть ожидание более или менее близкого страдания. Следовательно, чем больше у детей страданий, чем они сильнее, чем разнообразнее их виды, тем больше будет страха. Страх, именно его напряжённость и острота, прямо пропорционален количеству и силе детских страданий. Кто хочет оберегать детей от страха, тот тщательно должен оберегать их от страданий. Чем позже дитя ознакомится со страданиями и чем меньше их испытает, тем больше, при прочих равных условиях, в нём будет мужества. Приведём, для пояснения, несколько частных фактов относительно связи между страданиями детей и страхом.

Одно дитя часто били в семье. Когда оно поступило в школу для маленьких детей, то лишь только учительница приближалась к нему, чтобы заглянуть на его работу, как дитя сейчас же поднимало руки, как бы для защиты от удара. Другие дети, которых дома пугали жандармами, тюрмой, волком, букой и т.п., в школе трепетали, слыша эти слова при

объяснениях на уроках. <...>

Значение испытанных страданий в развитии страха у детей так велико, что некоторые психологи признавали возможным весь человеческий страх производить из опыта перенесённых страданий. Таков был Локк, утверждавший, что в душе нет ни врождённых идей, ни врождённых способностей, и всю душевную жизнь выводивший из внешнего и внутреннего опыта. Врождённого страха, даже в смысле предрасположения к нему, у детей нет, дети по своей природе чужды пугливости и боязни, они бесстрашны, они готовы к самому страшному предмету подойти бестрепетно, им море по колено. Страх возникает вследствие опыта жизни двойным путём: перенесение страдания и лишение удовольствия. Как скоро дитя пострадало несколько раз, оно начинает ассоциировать с некоторыми предметами страдание и бояться их. С другими предметами у него ассоциируется удовольствие и вместе боязнь лишиться этого удовольствия. Так, по мнению Локка, страх дитяти пред новым лицом объясняется не новизной и силой впечатления, а боязнью с прибытием нового лица и вступлением его как деятельного члена в тот мирок, в котором живёт дитя, лишиться удобств и удовольствий, тесно связанных с лицами, прежде окружавшими дитя. Страх так мало присущ дитяте по природе, что в некоторых случаях, по мнению Локка, его даже полезно прививать детям, ввиду развития осторожности и осмотрительности.

Нет никакого сомнения в том, что признание детского страха чисто опытным чувством неправильно, так как факты боязни детей и животных многих предметов и явлений раньше соответствующего опыта в страдании и лишении удовольствия многочисленны. Зато эта гипотеза опытного происхождения страха подчёркивает для нас ту тесную неразрывную связь, какая существует между страданием и страхом, выясняет обилие всякого рода страха там, где мы находим обилие разнообразного страдания. Она же обращает наше внимание и на то, что страх порождается не только причинением прямого положительного страдания, но и представлением об отнятии и лишении привычных удовольствий.

Третья и последняя причина широкого развития страха у детей заключается в невольной подражательности взрослым, в заразительности страха. Страх — одно из таких чувств, которые быстро распространяются, заражая в короткое время массы. Каждый знает, что такое панический страх, как он силён, неудержим и быстр. Он охватывает целые армии, отнимая у них всю силу и мужество. Эта зараза страха с взрослых распространяется и на детей. А взрослые сами живут под страхом, они сами многого боятся; между взрослыми есть достаточное число боязливых людей, готовых испугаться при каждом сколько-нибудь подходящем поводе. Таким образом, дети, живя среди взрослых, заражаются их страхом.

Зараза страхом у дитяти может иметь два вида: постепенного заражения и мгновенного. Первый вид, когда помаленьку поддаётся влиянию чуждых ему порядков и начинает постепенно испытывать такой страх, которого прежде у него не было. Дитя не боялось темноты, не стеснялось засыпать одно, выходить в темноте на улицу, искать вещь в отдалённой, слабо освещённой комнате и т.п., погостив месяца полтора-два у родственников, дитя возвращается к родителям с приобретёнными страхами темноты, отдалённых комнат, улиц при вечернем освещении и т.п.

Внезапное заражение страхом происходит в тех случаях, когда дитя встречается с каким-либо сильным и новым впечатлением, не зная, как отнестись к нему, страшно оно или не страшно. В таких случаях поведение взрослого прямо определяет поведение детей. В то время, когда дети были в школе, молния упала возле постройки и проливной дождь затопил двор. Дети инстинктивно все обратили свои глаза на учительницу, не только ради защиты и ободрения, но и с вопросом, есть ли тут что-либо страшное, нужно пугаться им или нет. Если бы учительница испугалась, то всеобщая паника была бы неизбежна; но она, к счастью, не испугалась, осталась спокойной, и случай обошёлся благополучно. В другой школе рабочие были заняты исследованием газовой трубы, чтобы узнать, откуда выходит газ. Полсотни ребятишек спокойно следили своими глазами за работой. Вдруг

произошёл маленький взрыв. Все дети обратились к учительнице, та очень спокойно приказала служанке закрыть газомер. Эта последняя испугалась и закричала, сейчас же вслед за ней закричали и все дети, обнаруживая сильнейший испуг.

Кантерев П.Ф. О детском страхе // Воспитание и обучение. 1901. № 3. С. 136–146.

Педагогическое отношение к детскому страху

Отношение родителей и воспитателей к детскому страху вполне определяется теми данными, которые изложены в предшествующих главах.

Оставлять детский страх без внимания невозможно, потому что он — тяжёлое, неприятное чувство, оказывающее гнетущее и весьма вредное влияние на всю деятельность дитя: он задерживает движения, дыхание, кровообращение, повергает дитя в трепет, иногда делает совершенно неподвижным, лишает памяти, ясности соображения, даже прямо причиняет многие телесные и душевные болезни. С другой стороны, нужно иметь в виду, что страх присущ всем детям, что он есть необходимый составной элемент психологии как детей, так и взрослых. Следовательно, о полном уничтожении страха в настоящее время не может быть и речи, возможно лишь ограничение его пределов и уменьшение его силы. Что же нужно для этого делать?

Страх есть выражение человеческого бессилия. Существо очень сильное не может испытывать страха, например, Богу страх совершенно чужд, потому что ему некого и нечего бояться. Чем сильнее существо, тем меньше в нём страха. Следовательно, для того, чтобы ограничить область детского страха и уменьшить его действие на детей, нужно воспитывать их сильными, уверенными в себе, мужественными. Если мы можем достигнуть того, что наш воспитанник или воспитанница, наперекор пословице, может сказать с уверенностью про себя: “Чужую беду руками разведу, а к своей ум приложу”, тогда мы много сделали для ограничения и ослабления страха.

Прежде всего, нужно сделать дитя физически сильным, а для достижения этой цели требуются: обильное питание, гигиеническая обстановка в соединении с правильным образом жизни, ежедневные прогулки и упражнения на свежем воздухе и физический труд, если возможно. Последнее условие особенно важно. Выполнение первых двух условий без последнего не делает дитя сильным, не избавит его от вида тепличного растения, выполнение третьего условия придаст детям свежесть, жизненность и силу. Упражнения на свежем воздухе особенно благотворны для развития предприимчивости и физической выдержки. Купанье, катанье на лодке, на коньках, на лыжах, длинные экскурсии летом, ежедневные прогулки зимой, работы в саду и огороде, разнообразный спорт представят широкое поле для упражнения детских сил, случаи для детской отваги и борьбы с различными препятствиями.

В нравственном отношении нужно упражнять детей в самообладании и решительности. Приучение к самообладанию — дело весьма трудное, его нужно начать с действий совершенно простых, именно с самообладания в отношении к желаниям. Дитя хочет есть, пить — пусть приучается немножко обождать, потерпеть, причём весьма полезно период ожидания заполнить каким-либо более или менее интересным занятием; дитя хочет известного блюда, известного питья, которых в данное время нет и достать нельзя, — пусть довольствуется тем, что есть. Эти простейшие уроки самообладания постепенно нужно расширять и делать более серьёзными и трудными (отказ, по обстоятельствам, от какого-нибудь большого удовольствия, усиленный труд в известное время, исполнение работы во время отдыха). Дитя, несколько навывкшее управлять собою, лучше справится и со страхом, не поддастся ему сразу и всецело.

В то же время детям должна быть отведена сообразная с их возрастом и силами область свободных действий, в которой они должны быть полным господином. Здесь, в этой области, он должен делать всё сам, сам начинать и кончать, сам устранять всяческие затруднения. Спешить к нему на помощь нечего; не беда, если что-нибудь из затеянного им

не сделается или плохо сделается. У детей довольно рано является слово “сам” и много раньше этого слова стремление действовать самому независимо и свободно. Это существенная потребность, её нужно удовлетворять, ей нужно идти навстречу. В затруднениях нерешительность нужно порицать. Нельзя, конечно, ручаться, что принятое решение есть самое лучшее и безошибочное, но решение, принятое после надлежащего взвешивания обстоятельств дела, хотя бы этот процесс совершился и быстро, не может быть очень плохим. Во всяком случае ошибочное решение нисколько не зазорно: в затруднительном случае гораздо лучше идти куда-нибудь — направо, налево, прямо, чем не двигаться с места, вздыхать и мучиться: куда идти, направо или налево.

Указанными упражнениями телесными и духовными мало-помалу будет создаваться то драгоценное свойство, которое называется мужеством, доверием к своим силам, будет закладываться основа твёрдому, сильному характеру. А эти свойства как раз противоположны боязливости и как показатели нарастающей в личности силы ослабят и сократят страх, выражающий бессилие.

Заботы об увеличении силы не могут предотвратить проявлений детского страха, к которому у всех детей есть природное расположение. Поэтому приходится тщательно следить за предметами, вызывающими в детях страх. Из помещения ребёнка нужно устранять всё лишнее, ненужное, ограничиваясь лишь тем, что действительно необходимо. Между предметами детской комнаты не должно быть таких, которые или своими размерами, или формой, или звуками, или сочетанием цветов могли бы произвести на дитя сильное, тревожное впечатление; подобные предметы должны быть немедленно устранены из детской. При ознакомлении детей с необходимыми новыми предметами нужно соблюдать большую осторожность, производя это знакомство с величайшей постепенностью. Если встречается предмет, пугающий дитя, то никогда не нужно на первых же порах насильно подносить к нему дитя, совать в руки, заставлять дотрагиваться и т.д. <...>

Один из наиболее распространённых и сильных видов детского страха, возникающих вследствие органического врождённого предрасположения, есть боязнь темноты. С этим детским страхом воспитателям нужно прямо бороться. Прекрасные советы по обсуждаемому вопросу дал Ж-Ж. Руссо.

Умейте обходиться без света, как слепые, не прибегайте постоянно к свечам. С помощью осязания (и мускульного чувства) можно прекрасно ориентироваться в темноте, свободно двигаться в ней. Желательно, чтобы “были глаза на концах пальцев, нежели в лавке свечного торговца”. Массу наблюдений можно произвести в темноте с помощью осязания, даже ни до чего не дотрагиваясь; если же дотрагиваться до предметов, если в руку взять палку, то количество познаваемого в темноте осязанием увеличится во много раз.

“Побольше ночных игр! Этот совет важнее, чем кажется”. Нет ничего грустнее темноты и даже страшнее, поэтому не вздумайте запереть вашего ребёнка в пустую тёмную комнату: вы его страшно напугаете, можете причинить обморок, болезнь и даже смерть (такие случаи бывали). “Пусть дитя смеётся, входя в тёмное место, пусть со смехом выходит из него, пусть, пока оно там находится, мысль о покидаемых им веселостях и о тех, которые его ожидают, защищает его от фантастических представлений, которые могли бы преследовать в темноте. Нужно собирать по вечерам детей, сначала посылать в тёмную комнату, а на первых порах в полуосвещённую, по несколько человек за раз, а потом поодиночке, начав с самых храбрых; с трусливыми детьми нужно ходить взрослому, вести дитя за руку, указывая ему, что и в темноте предметы остаются теми же; постепенно можно давать маленькие поручения детям в тёмную комнату, ободряя его голосом; полезно предпринимать прогулки с детьми вечером; нужно организовать весёлые игры в темноте, с призами, с шутками, с беганьем, с хохотом. Какое превосходство над другими людьми будет чувствовать ночью человек, воспитанный подобным образом! Ноги его, привыкшие твёрдо ступать впотьмах, руки, приученные легко хвататься за окружающие тела, без труда будут руководить им в самом густом мраке. Воображение его, занятое ночными играми его молодости, с трудом обратится к страшным предметам. Если ему

почудятся взрывы хохота, то это будет хохот его старых товарищей, а не домового; если почудится сборище, то это будет не шабаш ведьм, а комната его воспитателя. Ночь, напоминая ему только о веселье, никогда не будет для него ужасна; вместо того, чтобы бояться её, он будет её любить” (Ж-Ж. Руссо. “Эмиль”, кн. 11).

Для создания средств к борьбе с неразумным детским страхом, возникающим из врождённой органической пугливости, нужно позаботиться об умственном развитии дитяти, об ознакомлении его с окружающим миром природы и жизнью людей. Детские страхи часто бывают совершенно вздорными, или прямо не имеющими никакого основания, или слишком преувеличенными, превращающими муху в слона. К уничтожению таких многочисленных страхов нет другого средства, кроме умственного развития, так как подобные страхи возникают из незнания свойств окружающего мира. Если дитя убедится, что вокруг него вредных предметов нет, то и пугаться ему будет нечего. Особенно полезны будут сведения о некоторых с виду страшных явлениях природы, каковы грозовые тучи, гром и молния, сильные ветры, бури, вой и свист ветра и т.п., равно, как сведения о некоторых учреждениях и явлениях человеческого общежития (о ворах, разбойниках, тюрьмах и т.п., в смысле безопасности от них гражданина). Вообще критическое отношение, разбор и оценка встречающихся явлений могут значительно ослабить устрашающие впечатления от страшных с виду предметов, но совершенно безопасных и невинных самих по себе, по своей природе.

Одной из главных причин детского страха служит опытность в страдании. Поэтому, как уже замечено, нужно охранять дитя от страдания, позаботиться, чтобы оно ознакомилось с ним как можно позже и в слабой степени. Пропорционально этому отсрочится время появления страха, и напряжённость чувства уменьшится. Конечно, совершенно предотвратить страдания невозможно, но ослабить их и сделать не столь частыми — во власти воспитателя. Уменьшению детских страданий служат следующие средства: 1) вполне гигиеническая обстановка, о значении которой мы уже упоминали по другому поводу; 2) устранение наказаний как воспитательного средства и 3) устранение фантастических ужасов, вызываемых чтением страшных сказок и рассказов.

<...>

Фантастический страх, как мы замечали, — очень частое явление у детей; он очень силен. Очевидно, нужно принять меры к его устранению, т.е. изъять из детской библиотеки страшные рассказы, сказки, повести и решительно воспретить окружающим дитя рассказывать подобные истории, а равно внушать разные суеверные представления о домовых, леших, бабах-ягах и пр. Конечно, выполнение последнего условия довольно трудно, так как в народе держится масса подобных суеверий; а прервать всякие отношения дитяти с лицами, принадлежащими к необразованным классам, невозможно, они слишком близко и глубоко входят в нашу жизнь (кормилица, няни, горничные, кухарки, лакеи, дворники). Между тем фантастические страхи вредны в двух отношениях: причиняя страдание сейчас, во время слушания страшной истории, направляя деятельность воображения в сторону различных комбинаций страшных историй, вследствие чего страх непрерывно поддерживается.

Как бы заботливо дитя ни охранялось от страдания, всё же ему придётся с ним ознакомиться и следовательно в подобном положении испытывать страх. В этом последнем случае, т.е. при испытании страха перед неустранимым страданием, нужно убедить детей не теряться, не отказываться от борьбы и напряжения сил, не киснуть. Дело в том, что такие страдания, которые не могут быть отклонены или уменьшены никакими человеческими усилиями, весьма редки, большинство же может быть ослаблено, а некоторая часть и совсем почти устранена. Детям нужно показать самим делом, как усилия к устранению беды уменьшают её размер, замедляют её наступление, дают ей несколько иное направление, как напряжение сил быстро залечивает испытанное страдание и на будущее время предохраняет от его повторения. Основное правило в таких случаях: копить силу и энергию, не падать духом, никогда не отказываться от борьбы. На мальчика напал гораздо сильней-

ший мальчик-забияка и драчун, — не нужно падать духом, не нужно поддаваться забияке, надо оказать ему самый энергичный отпор — руками, ногами, зубами; может быть, он в ожесточении поколотит в нынешний раз и сильнее, чем намеревался, но зато на будущее время он, несомненно, поостережётся нападать на так отчаянно защищающегося. Напряжение сил уменьшит даже страдание от внешних сил природы. Нужно совершить дальнейшее путешествие в большой мороз и стужу в не защищённом от холода экипаже придётся мёрзнуть. Страдание устранить совсем нельзя, но уменьшить можно: не унывая ни от холода, ни от дурной дороги, нужно больше двигаться, идти, бежать за экипажем, вступить в борьбу с товарищем, задать себе задачу пройти непременно столько-то вёрст пешком, в самом экипаже не сидеть неподвижно, а двигать членами и раздумывать не об испытываемых неудобствах, а о чём-либо другом, например, о тех новых впечатлениях, которые даёт дорога.

<...>

Кантерев П.Ф. О детском страхе // Воспитание и обучение. 1901. № 4. С. 161–172.